В ГОСТЯХ У ИГОРЯ Д.

Кн. обозрение. — 1998. — 26 мая. — с. 18

ГЕРОЯ нашей беседы любят и стар и млад. В своих фильмах и спектаклях он создал образы благородных рыцарей, влюбленных кавалеров... Ему по силам и по таланту сыграть наряду со средневековым школяром Розенкранцем в «Гамлете» — большевика Бонч-Бруевича в «Доверии». Но плащ и шпага — хором решила страна в негласном своем плебисците — ему шли более к лицу, чем кожаная тужурка и пенсне. А еще были Листницкий в «Тихом Доне», Дюр в «Зеленой карете», Бакст в «Анне Павловой», Джеральдин в «Приключениях принца Флоризеля», Леопольд в «Сильве»... А еще — прелестный седовласый кузнечик в «Собаке на сене», увлажняющий каплей духов свои холеные усики, которыми должен покорить богатую и красивую невесту...

Читатель догадался, что мы говорим о блестящем русском актере из Санкт-Петербурга ***ИГОРЕ ДМИТРИЕВЕ.***

— Игорь Борисович, как сейчас живется артисту Игорю Дмитриеву?

— Я думаю, что живется хорошо. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Нынче для артиста, в особенности для того, который уже перевалил средний возраст, нет большей радости, чем его востребованность. Если артисту звонят студии, фирмы, концертные организации и режиссеры, которые предлагают ему работу, — можно ли жаловаться? Нынче трудно ожидать большей радости, чем ощущение востребованности и нужности.

Недавно я выпустил спектакль — новую пьесу молодого драматурга Сергея Носова (он работает редактором на петербургском радио) «Дон Педро». Играю в ней с одной балериной из Кировского театра и с народным артистом Михаилом Светиным — моим партнером и другом по Театру комедии. Спектакль поставила художественный руководитель Театра комедии Татьяна Казакова. Впрочем, этот спектакль не принадлежит театру — он принадлежит фирме «Бенефис», которая эксплуатирует этот спектакль и возит нас на гастроли в Новосибирск, Харьков, Мурманск...

Эта пьеса мне очень нравится — даже когда я в который раз дома проглядываю роль перед спектаклем, вспоминая текст, — все равно она мне нравится. В ней — столкновение двух позиций в жизни — позиции творческой и позиции потребительской, столкновение двух мировоззрений — мировоззрения нынешнего жлоба и нынешнего интеллигента. Как ни странно, в этой трагикомической истории пенсионеров интеллигент побеждает, вызывает симпатии и где-то пытается переломить мировоззрение и драматическую ситуацию, в которой оказывается его партнер. Пьеса имеет фантастический отклик. Зал всегда переполнен. В финале публика встает и стоя аплодирует. Это лучший комплимент и лучшая награда за труд.

— Года два назад вы рассказывали читателям «КО» о том, что работаете над поэтической программой Серебряного века...

— Хочется сделать что-нибудь новое. Я попытался воскресить жанр мелодекламации. Этот жанр был уничтожен и сметен пролетарской революцией. Искусство мелодекламации казалось салонным, упадническим, никому не нужным. Через семь десятилетий я попробовал его воскресить.

— По какому принципу отбирали авторов?

— Агнивцев — это блистательный Петербург: «Ах, как приятно в день весенний урвать часок на променад. И для галантных приключений зайти в веселый Летний сад...»

Игорь Северянин — это эстетская ирония: «В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом... Вы такая эстетная, вы такая изящная...»

— А Виктор Гофман, этот юный самоубийца?..

— Он очарователен! Погиб в 27 лет. У меня нет его книжки, хотя, по-моему, Гофман, кажется, вышел отдельным изданием... Хотелось бы его иметь. А Константин Фофанов! Какой замечательный поэт! Мы его совсем не знаем... Революция отобрала у нас поэтов Серебряного века. В школьные годы нам не давали их прочесть. Жанр мелодекламации был велик. Им пользовались замечательные актеры — Давыдов, Варламов, Максимов, Юрий Михайлович Юрьев... Программа получилась в двух отделениях. Ее составили стихотворения поэтов Серебряного века — таких, как Блок, Бальмонт, Белый, Агнивцев, Фет, Тургенев, Бунин, Игорь Северянин... В нотном отделе Публичной библиотеки я отыскал специально написанную на эти стихи музыку для рояля и гитары. Для стихов, оставшихся без музыки, таких поэтов, как Агнивцев или Виктор Гофман, ее написали петербургские композиторы — мои друзья Изя Шварц, Владислав Успенский, Дмитрий Толстой, Андрей Петров... Вот такая у меня есть отдушина. Может быть, это не так громко и популярно, как эстрадные певички, которые поют под фонограмму, но тем не менее моя программа имеет свой спрос.

— Кроме поэтов Серебряного века читаете что-нибудь?

— У меня на столе раскрыта потрясающая книжка. В петербургском «Новом журнале» опубликована «Повесть о первой любви» Романа Кумова — писателя, умершего в 1919 году в Новочеркасске от тифа. В России она напечатана впервые. Если собрать все его творчество (а оно находится в разных местах, порой буквально вырыто из земли в какой-то казачьей станице), то наберется на 10 томов.

Я позвонил на наше радио и предложил им прочитать эту повесть. Они согласились. Скоро у меня будет запись. Я уже придумал, какой будет музыка: хоры, монастырские песни, колокола... Это потрясающая, пронзительная литература. Я не мог успокоиться до тех пор, пока не получил согласия радио это прочесть. Я 40 лет работал на радио — потому сделал сокращение для одной передачи. Мне сказали: «Ты что? Ты будешь читать три вечера подряд...»

— Увидим ли мы книгу мемуаров Игоря Дмитриева?

— Этот вопрос мне задают неоднократно. К сожалению, я не пользуюсь советами моих ближайших друзей Льва Мархасева и Виталия Вульфа, которые говорят: «Записывай все свои смешные истории, которые ты рассказываешь». Я не записываю. Иногда разве что напишу какое-то маленькое эссе... Но чтобы сесть и писать мемуары, как делают мои умные друзья... Я имею некоторые черкушки, но не могу набраться духа, сесть писать. И еще мне не хватает, по-видимому, человека, который будет тонко и умно задавать мне вопросы и «расколет» меня на разговор об этом... А пока что петербургское телевидение (5-й канал) предложило мне свой час: передача называется «У Игоря Д.», и действие ее происходит не обязательно у Игоря Д. дома — это встречи и у Игоря Д. в душе, в памяти, в сердце, в привязанностях, в антипатиях, во влюбленности... Уже вышло 10 выпусков. За один из них — «Воспоминания о лошадях» — я получил на международном фестивале первую премию: «Золотого конька».

Совершенно неожиданно для меня новый телеканал «Культура» взял эту передачу, и теперь она идет по всей России. Сережа Шолохов ее всячески популяризирует...

— О чем же рассказывает Игорь Д.?

— Рассказываю о моем детстве, о моих родителях, о предках, учителях... Не миную свои привязанности — в основном, это люди искусства, композиторы, писатели. Была у меня уже передача о Даниле Александровиче Гранине. В Америке снимал о Михаиле Шемякине. Передачи получаются совершенно разные. Эта работа меня очень увлекла и стала моим — параллельным с театром и кинематографом — увлечением.

— А что же кино — теперь у вас в пасынках?

— Нет. Судьба при всей нынешней кинематографической ограниченности оказалась благосклонной ко мне: закончил сниматься у Глеба Панфилова в картине «Романовы — венценосная семья». Фильм о периоде жизни семьи Романовых — от отречения до кровавого расстрела. Играю барона Фридерикса.

— Он, кажется, был гофмаршалом императорского двора?

— Барон Фридерикс был министром двора Его Величества и человеком, который очень трагически воспринял отречение государя. Картина уже заявлена в Каннах, и я думаю, что она будет интересной для зрителя. Снимался фильм в основном на английские деньги, потому что царицу играет английская актриса. В фильме очень много актеров. Замечательный сценарий. А говорить о режиссуре Глеба Панфилова совсем излишне. Можно только мечтать — встретиться с таким режиссером.

— Трудно быть популярным? Наверное, поклонники и поклонницы пишут, звонят?..

— Пишут. После спектакля — звонки. Для артиста самое главное — ощущение необходимости. Когда утром или вечером после спектакля еду в метро, ко мне подходят незнакомые люди и говорят: «Мы вас любим, берегите себя...», а потом умышленно переходят на другой эскалатор, чтобы не навязываться в знакомство и беседу, — это самый точный лакмус...

Меня тут недавно в Смольном награждали орденом Почета. Я и вспомнил: у нас в театре наш главный режиссер — женщина, жилец коммунальной квартиры... Недостойно человека, который возглавляет академический театр. Я отвел в сторону вице-мэра, который вешал мне орден, и сказал: « Вы знаете, у меня почет уже есть. Возьмите орден — дайте квартиру Казаковой!» — «А, что такое?». Взял ручку, записал. Не знаю, как будет дальше...

— По стране ходят рассказы о ваших розыгрышах.

— Это моя вторая профессия, которой я занимаюсь постоянно. Хотите анекдот? «В приемной у Ленина раздается телефонный звонок. — «Здраствуйте!» — «Добрый день!» — «Это говорит матрос Железняк». — «Кто?» — «Матрос Железняк». — «Что вы хотите?» — «Я хотел бы перемолвиться с Владимиром Ильичем парой слов». — «Одну минуточку. Соединяю...» — «Владимир Ильич? Это матрос Железняк говорит... Как на фиг?..»

Думаю, читатели «КО» уже прочитали о всех моих розыгрышах в журнале «Крокодил» и прочих изданиях, которые время от времени описывают мои классические розыгрыши.

— Вот вам уже и готовая книжка! Собрать — и в печать.

— Надо, чтоб кто-нибудь сидел рядом, доброжелательно беседовал со мной и все записывал.

— Для этого надо иметь Софью Андреевну.

— Но «она обратно любила поесть»!

— А что, это плохо, когда люди любят поесть?

— *Жена его*

Софья Андреевна
обратно любила поесть,
она не ходила по саду,
хранила дворянскую
честь...

— Кажется, дальше поется так:

Теорию непротивленья
Он миру хотел передать.
Об этом никак без волненья
Сейчас
невозможно читать...

Как у вас складываются отношения на семейном фронте?

— Я похоронил жену в прошлом году, поэтому семейный фронт разрушен. Тем более что мой сын уже 14 лет живет в Америке. Зато у меня есть там две очаровательные внучки, и когда сын приезжает по делам или я езжу туда, имею радость их видеть — близняшки Полина и Дора. В этом году им будет по 4 года.

— Внучки говорят по-русски?

— Говорят, иногда, правда, с украинским акцентом, потому что у них няня из Киева... Это очень смешно...

Беседовали
Александр ЩУПЛОВ
и Евгений ЛЕСИН.